

Александр Пономарев

ВКУС К ЖИЗНИ

▶ СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

RED

RED. Современная литература

Александр Пономарев

Вкус к жизни

«Редакция Eksmo Digital (RED)»

2021

Пономарев А.

Вкус к жизни / А. Пономарев — «Редакция Eksmo Digital (RED)», 2021 — (RED. Современная литература)

ISBN 978-5-04-157597-7

Смех – одно из сильнейших оружий, способных раскрыть даже самые уродливые социальные изъяны. Сдобренный непредсказуемым гротеском, оригинальной карикатурой и эффектной гиперболой, он делает невероятным даже самый очевидный контекст. Сборник современных рассказов «Вкус к жизни» – это галерея самых разных новелл, каждая из которых ошеломляет потрясающим финалом и злободневностью, поразительно близкой сегодняшнему читателю. Комментарий Редакции: Каждый рассказ – это живое ощущение безвременья и одновременно – настоящее сосредоточение актуальной действительности. Написанные лаконичным языком, эти убедительные истории венчаются не менее эффектным финалом, оставляя в сознании читателя долгие мысли о самом главном.

ISBN 978-5-04-157597-7

© Пономарев А., 2021

© Редакция Eksmo Digital (RED), 2021

Содержание

Предисловие	6
Бездарь	8
Тургеневская девушка	11
Букинистика	15
Вкус к жизни	18
Бес попутал	22
Искусство поздравления	25
Золотая рыба	27
Чур меня	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Пономарев

Вкус к жизни

© Александр Пономарев

* * *

Предисловие

«...Есть хорошие рассказчики – им рады в любой компании, их выступлений ждут, предвкушая: сейчас будет нечто... «Запиши», – говорят такому счастливцу, – сделай книгу!» Увы, на письме истории блекнут, подобно вытасненным из моря на сушу разноцветным камням.

Есть авторы-профи, знающие, как сделать крепкий рассказ. Смотришь – нигде ничего не шатается, не торчит... И – не цепляет. Сел, прочёл. Встал и дальше пошёл.

Есть, разумеется, классики жанра, в том числе – среди современников.

Но изредка встречаются граждане – не классики вроде и даже не вполне литераторы, – в ком природный талант к написанию рассказов клокочет, родником выходит на свет, и ничего тут поделатъ нельзя. И не надо. Ну, разве подправить немного русло, чтоб не попала муть.

Александр Пономарёв – как раз из этой редкой породы. В текстах его сочетаются живость и юмор устных историй с чётким построением фразы, с грамотным ведением сюжета. «Делали бы свое дело как положено, со вкусом и фантазией», – сетует один из пономарёвских героев. Вкус и фантазия – две опоры настоящего творчества, и важно развивать в себе первое, не теряя второе.

С фантазией у автора полный порядок – Александр Пономарёв идеально соблюдает баланс между правдой и выдумкой. Ясно, что без вымысла нет настоящего текста, но выданный из пальца герой не интересен – у него нет точек соприкосновения с состоящим из плоти и крови читателем.

Александр Пономарёв обладает дефицитным умением сделать не просто зарисовку с натуры, а образ – прищурясь, отходит от быта на дистанцию, годную для обобщений. Он пишет не байки, а рассказы – по всем правилам жанра, придумывая и сюжет, и героя.

При этом герой у него – настоящий: непростой, многомерный, объёмный. Полон слабостей, колебаний, сомнений. Суверен, наделён лишним весом, подвержен чревоугодию и пьянству. Окружающий мир не слишком к нему расположен: давит ипотекой, удручает непониманием, угнетает несправедливостью, пугает потерей здоровья, предъявляет множество диких претензий...

Мы читаем рассказы Пономарёва и вдруг понимаем, что вместе с автором смотрим на человека взглядом почти божественным – ироничным, но тёплым и любящим. Любящим – не жалеющим, а направляющим к росту.

«Будучи не в силах смириться со своим постылым бытием» (рассказ «Вкус к жизни»), пономарёвский герой начинает действовать. С ним происходят события – в полном литературном смысле. То есть Пономарёв умеет закрутить пружину сюжета – поставить героя в такие обстоятельства, что тому приходится менять и себя, и окружающий мир. Не важно, что к этим переменам толкает: картина ли манящего благополучия, угроза здоровью, ущемлённая гордость или навязчивый вещий сон.

Поначалу герой упирается, втайне надеясь на чудо. Например: «Если не произойдет чудо, и за оставшиеся два часа сюда не наведается женская сборная по волейболу, то день можно будет считать прожитым напрасно» (рассказ «Перебор»), – думает продавец в курортной лавчонке. Но, повздохав, герой начинает действовать.

И – абсолютно как в жизни! – чудо-таки происходит: находится выход, рассеиваются тучи, добро торжествует. «Унылая атмосфера пошлости и безвкусыя» испаряется.

Но главное чудо происходит с читателем – приходит понимание чудесности неуютного и страшного мира, чудесности заурядного человека, чудесности незамысловатого быта. Понимание того, как прекрасно иметь возможность всего лишь выпить рюмашку, обнять пышнотелую дамочку, залечь на диван, включив телевизор. А уж если получится вырваться

вдруг на море... Торжествует вкус к жизни, безошибочно названный автором «фундаментальное чувство».

Слово «вкус» не случайно разбросано по рассказам Пономарёва. Вкус – то, что автор, безусловно, ценит в других, и чем по заслугам может гордиться сам. Александр Пономарёв – и в создании героев, и в построении квеста для них, и в языке – обладает удивительным чувством меры.

Язык его рассказов лаконичен и одновременно расцвечен яркими красками. Он по-настоящему вкусен – им хочется наслаждаться...»

Светлана Чураева

Заместитель главного редактора журнала «Бельские просторы»

Бездарь

В кабинете у главного редактора журнала «Наш век» сидел известный во всем городе литератор Гарниров Лев Николаевич и пил чай с сушеными финиками, когда в дверь робко постучали, а в ее проеме блеснула залысинами голова мужичка средних лет.

– Кого еще нелегкая, – буркнул редактор, – ну заходите, что ли, раз вы и так наполовину уже здесь, не создавайте сквозняк. Извините, мэтр, я тут прервусь на секундочку, – кивнул он своему, развалившемуся в кресле, именитому собеседнику.

Внезапный гость, не замешкавшись, проскользнул внутрь помещения и, смущенно теребя нос, произнес:

– Я, так сказать, насчет рукописи своей побеспокоить. Пьеса «К черту на кулички», помните? Уже третий месяц пошел, как вы ответ дать обещались.

– Раз обещали – значит, дадим. Кто вы тут у нас, освежитесь-ка в памяти.

Посетитель с надеждой в голосе отрапортовал:

– Мухин я, Мухин Платон Иванович.

– Те-ак'с, – редактор потер ладоши и начал озиаться по сторонам в поисках рукописи. – Куда ж она задевалась, проклятушая?

Затем он пошарил взглядом по полкам, прошелся по стеллажам.

– Ума не приложу, хоть убей, а вы точно нам ее передавали? Может, в какое другое место отнесли?

– Не, куда раньше отнес, отовсюду вернули уже, – ответил мужик, простодушно улыбаясь, – вы последние. Посмотрите повнимательней, прозрачная такая папочка с желтым корешком.

Наконец искомая папка была найдена на подоконнике под электрочайником.

– Ваша?

Мухин кивнул.

– Ну тогда забирайте ее, макулатуру свою, Бога ради.

Редактор брезгливо смахнул пыль с папки и передал ее визитеру, стараясь держать рукопись таким образом, чтобы в глаза не бросалось сальное пятно в нижнем углу титульной страницы.

Мужик, осознав, что ему только что дали от ворот поворот, безвольно опустил глаза и ссутулился.

– И примите дружеский совет профессионала, – добавил редактор, горько усмехнувшись, – не пишите уже больше. Займитесь чем-нибудь стоящим. Резьбой по дереву там, макраме, йогой. Можете также смело прыгать с парашютом, играть на гитаре, плести корзины. В общем, занимайтесь чем угодно. Но только окажите любезность себе и окружающим – не пишите.

Мужик, все так же уныло сутулясь, медленно вышел.

– Так, на чем мы с вами остановились? – повернулся редактор к литератору, когда за несчастным автором захлопнулась дверь. – Ах да. Вот уже третий месяц пошел, как все мы с нетерпением ждем вашу новую работу. Но воз, как говорится, и ныне там. Что же мешает вам сдать рукопись, наконец? Разве мы не перечислили вам аванс? Перечислили. Причем дважды даже. Мы трижды напрасно резервировали под вас полосы в нашем издании, а в прошлом месяце так вообще выпуск тиража задержали. Читатели в недоумении. Спонсоры волнуются. Поэтому в данной связи у меня к вам только один вопрос – Когда?

Гарниров отставил кружку и прочистил горло.

– Пьеса покамест в работе.

– Мы это уже слышали.

– Остались последние штрихи.

– И это нам тоже известно. Вы мне, пожалуйста, конкретику, конкретику дайте.

– На следующей неделе предполагаю приступить к контрольной вычитке пьесы...

Литератор блефовал. На самом деле он вовсе не собирался вычитывать пьесу. Потому как вычитать там возможно было всего четыре слова: «Акт первый, действие первое».

Но это была еще только половина беды. Вся же беда заключалась в том, что автор твердо знал нечто, о чем не подозревал больше никто на свете – маститый мэтр напрочь исписался. Ни единой мысли, за последние полгода, ни единой строчки, ни одной паршивенькой буквы. Ничего!

– ...И можете даже не сомневаться, что через месяц все увидят ее на страницах вашего уважаемого издания, – добавил Лев Николаевич убедительным тоном.

"Повеситься, что ли?" – мелькнула у него шальная мысль, когда он, галантно раскланиваясь, выходил из кабинета.

Расставшись с редактором, Гарниров, мрачнее тучи, направил свои стопы напрямик к двери с табличкой «WC». В животе у него пронзительно урчало. То ли на нервной почве, то ли финики оказались несвежие.

Исполнив свое дело, он озабочился тем, о чем было бы уместней подумать еще накануне, но что он в своем потерянном состоянии как-то упустил из виду: «Есть ли вообще туалетная бумага в этой дыре?»

Гарниров растерянно оглянулся в поисках хотя бы завалящей газетенки, а еще лучше экземплярика журнала «Наш век».

Но тут его блуждающий взгляд ненароком упал на урну, из которой торчал желтенький сальный корешок: «Опаньки, да это ж пьеса того никчемного писюка! Так вот где, значит, нашло свой последний приют графоманство. Очень символично. Ну что ж, за неимением гербовой...»

Литератор вытащил двумя пальцами папку. Внезапно в нем проснулся профессиональный интерес или, если хотите, профессиональная ревность, и тогда он, устроившись поудобнее, углубился в чтение.

Так незаметно пролетели полчаса. Желудочное расстройство у Гарнирова давно закончилось, в дверцу кабины уже раз десять требовательно стучали, а он все никак не мог заставить себя оторваться от чтива, которое захватило его с головой. Мэтр уже больше не помышлял о том, чтобы наложить на себя руки. Перед ним забрезжили более привлекательные перспективы. И какие, надо сказать, перспективы!

...Ровно через месяц, как и было предсказано мэтром, в журнале «Наш век» вышла пьеса, которая произвела настоящий фурор в областной литературной среде. Все сошлись во мнении, что это, безусловно, лучшее творение Гарнирова, так сказать, вершина его творческой мысли. В мэрии по этому поводу закатили большой прием, на котором присутствовал весь культурный бомонд. Ах да, пьеса называлась «К бесу на каравай».

Пока именинник скромно принимал поздравления, редактор, светясь от блаженства, трубил со сцены в микрофон, что за последние двадцать лет он не то чтобы не издавал – не читал более яркого и самобытного произведения, чем «К бесу на каравай». Ему рукоплескал зал. Аплодисменты изредка прерывались хлопками, которые издавали откупориваемые бутылки шампанского.

А в это же самое время в своей малогабаритной квартире, затерявшейся где-то на окраине города, сидел, обхватив руками плешь, не востребовавший драматург Мухин и в поисках вдохновения, а может быть, тщетно пытаясь уйти от гнетущей его действительности, пил горькую. Рядом с ним на кушетке, держа в руках последний выпуск «Нашего века», прикорнула г-жа Мухина и тыкала в строчки своим худым длинным пальцем.

– Читал уже новую пьесу Гарнирова? Нет еще? Ознакомься, не ленись. Заодно поучись у классика, как писать следует. А еще лучше, вообще заканчивай эту бодягу, озаботься чем-нибудь общественно полезным, наконец, карьерой займись, ремонт вон на кухне сделай. Гарниров – настоящий талант. Подумай, кто ты рядом с ним? Жалкий бездарь, без – дарь. Бросай ты это дело, не твое оно вовсе. Себя вон истрепал, меня всю измучил. Горе ты мое луковое, – всхлипнула она и прижала понурую голову бездаря к своей груди.

Тургеневская девушка

Их знакомство состоялось в театральной среде, точнее, в театральной кассе.

Сначала он решил переждать там первый весенний дождь, который, по обыкновению, обрушился на Москву тропическим ливнем из ниоткуда (хотя еще пять минут назад ничто не предвещало ничего подобного) и так же быстро исчез в никуда. Заскочил, по-кобелиному отряхиваясь, щедро разбрасывая вокруг себя небесную влагу. А потом вдруг увидел ее, а увидев – застыл. А застыв – остался.

Она сиротливо стояла рядом с кассовым окошком, с виду настоящая тургеневская барышня, разве что гораздо интереснее. На ней было строгое, почти в пол, перехваченное тонким ремешком в талии, платье. Волосы убраны в пучок, лицо бледное и одухотворённое. Глаза влажные, точно небо над Таганкой. Того и гляди, выплеснутся сейчас наружу. В нервных пальцах зажаты два билета.

Ощувив, что привлекла внимание вымокшего до нитки мужчины, девушка застенчиво ему улыбнулась, то ли даря сочувствие, то ли, наоборот, к нему призывая.

– Он не пришел, а я уже билеты взяла. И куда я с ними теперь? Ведь он не пришел, и не придет совсем, – словно бы оправдываясь, лепетала она. – Звонок уже скоро, а у меня билеты на руках.

Его удивило в этой ситуации то, что в обычной жизни все происходит с точностью до наоборот. А тут – на тебе. И кто только посмел?

– Он – это ваш молодой человек?

Девушка не ответила. Неожиданно для себя он сказал, точнее, выпалил:

– Давайте-ка билеты сюда – я их покупаю.

– Seriously? – Барышня с готовностью протянула ему бумажки. – Надеюсь, что эти пять тысяч не сильно ударят по вашему карману. Я, понимаете ли, не очень хорошо вижу и поэтому беру билеты только в партер, на первые места. Тем более, только там можно ощутить живую энергетику действия, понимаете. Постановка же, судя по-всему, обещает быть замечательной, так что берите – не пожалеете.

– Один из них оставьте себе, прошу вас.

Сердце его забилося громче: «Интересно, возьмет или не возьмет?»

– Неудобно как-то получается после всего, – растерялась девушка, пряча пятитысячную купюру в клатч, – право, не знаю даже.

– Придумаете тоже – неудобно, будем считать, что я вас пригласил, тем более, все равно второй девать некуда. А неудобно знаете, когда бывает?

Она, видимо, знала, потому что добавила в бледность щек немного краски, и, не дожидаясь продолжения сентенции, поспешным кивком подтвердила свое согласие.

– Хорошо, ну разве если так только. Ася, – представилась она, чуть согнув ноги в коленях и склонив свою очаровательную головку, как если бы присела в реверансе.

"Надо же, имя-то какое тургеневское... Ася".

– Анатолий Петрович... Анатолий... Толя.

Постановку они смотрели вместе, сидя плечом к плечу. Точнее, смотрела ее только Ася. Анатолий же – Толя – все акты вкупе с антрактами не сводил восхищенных глаз со своей соседки.

По дороге к метро они уже, словно старые знакомые, вовсю делились впечатлениями:

– Нет, ну вы представляете, каков талант, хотя я в этой роли всегда видела только Безрукова.

– А она, она, мне показалось, здорово переигрывала.

Толик был на седьмом небе от того, что девушка столь быстро освоилась в его обществе. Сейчас ее лицо не отражало и тени той печали, которая бросилась ему в глаза у билетных касс: «Вот что значит магия театра и теплая дружеская атмосфера».

– А не желаете ли завтра сходить на «Сон в летнюю ночь», у меня тут еще пара билетов имеется? – предложила Ася, протягивая ему руку для прощания. – С вами так здорово сегодня было вместе... смотреть.

Разумеется, он желал.

– Значит, до завтра?

– Значит, до завтра.

И так они сходили завтра, потом было послезавтра, а еще был четверг. Сначала он удивлялся: что она в нем нашла? Ей от силы двадцать три, она почти красавица. Ему уже скоро сорок, хотя, со слов знакомых, выглядит он несколько моложе. Холостяцкий образ жизни, помноженный на возраст, пока не наложил на него своего прощального отпечатка. Он даже мог бы еще иметь успех у женщин, если б не пивной живот, двойной подбородок и невеста откуда-то взявшаяся плешь. Недостаток волос на темени он, правда, компенсировал дополнительной растительностью на лице в виде интеллигентных усов и бородки, что придавало ему определенное портретное сходство с царским премьером Столыпиным.

"Наверное, все-таки духовная близость. Именно, духовная близость и любовь к театральному искусству", – убеждал себя Толя, забыв, что в последний раз он был в театре весьма давно, тогда еще вроде бы давали «Малыш и Карлсон».

Не прошло и недели, как между ними, несмотря на духовную близость, возникла первая напряженность. Он вдруг решил проявить активность, и, по совету знакомых, добыл билеты на какой-то очень модный мюзикл.

– Взяли уже? – сухо переспросила Ася, – а сложно было со мной посоветоваться насчет репертуара? Может, я современное театральное искусство на дух не переношу. К тому же у меня на сегодня имеются планы.

– Я думал, что это будет такой сюрприз, – промямлил он в ответ на бесстрастные гудки, раздававшиеся в трубке.

"Ну вот и не угодил", – раскис Толя и поклялся себе больше никогда не проявлять инициативу в таком деликатном вопросе. Билеты он выкинул в окно, сделав из них самолетик.

Казалось бы, мелочи жизни. А по спине все равно холодок пробежал. Вдруг это все. Занавес. Разрыв на почве несовпадения взглядов на жизнь, в частности, на театральное искусство. А что? Вокруг такое сплошь и рядом происходит.

Но на следующий день она ему опять позвонила. Сама!

– Вы не обиделись на меня вчера? – как ни в чем не бывало, прощбетала Ася.

– На вас? Помилуйте, разве такое возможно.

– Значит, вы не откажетесь сходить со мной в театр Маяковского? Вечером там дают потрясающую драму.

– Спрашиваете.

– Тогда в шесть. Только я буду с подругой, если не возражаете.

«А кузнец-то нам зачем?» – вспомнилась ему фраза из одного старого доброго фильма.

– Буду только рад, – сказал он с поспешностью, но осознав, что получилось несколько двусмысленно, добавил первое, что пришло на ум: – За вас.

Подруга показалась ему бойкой, если не сказать вульгарной особой, тем более на фоне его избранницы. К тому же она была намного старше ее, скорее ближе к нему по возрасту.

"Какие они все-таки разные, – подумалось в тот вечер Анатолию, – но друзей не выбирают, равно как и театральные постановки подчас".

Все первое действие, сидя в партере между Асей и ее спутницей, он решал – удобно ли попросить у Асиной подружки три тысячи за билет, или это будет выглядеть с его стороны

ужасным неприличием, моветоном. Но потом он увлекся пьесой и забыл об этом щекотливом обстоятельстве.

Так незаметно пролетели две недели. Жизнь Анатолия обрела новые краски – «Театр Сатиры», «На досках», «Эрмитаж»... «Дядя Ваня», «Ричард III», «Евгений Онегин»... Он уже привык, что каждое утро его ожидал новый звонок, а вечером новые приключения.

Единственное, что немного его угнетало, это осознание того, что за все прошедшее время их отношения с Асей не стали менее платоническими. Пока он мог похвастаться лишь тем, что они перешли с ней на «ты» и провели как-то аж целый вечер в кафе после отмены «Риголетто». Ася тогда долго, с упоением рассказывала ему о традициях русского театрального жанра, о дореволюционных постановках Александринского театра и Мариинки, а на десерт удивила его замечательным знанием подробностей биографий Веры Комиссаржевской и Немировича-Данченко.

Когда они, держась за руки, прощались на троллейбусной остановке, Толя впервые не устоял. После двух бокалов вина у него приятно шумело в голове, а духовная жажда сменилась иной, более приземленной. В какой – то момент он инстинктивно прижал Асю к себе и, замурив глаза, потянулся к ее лицу, но сумел поцеловать лишь указательный палец, который та прислонила к его губам.

– Не сейчас, не время, – прошептала она, мягко выскользнув из Толиных объятий, и упорхнула в открывший двери троллейбус. Оттуда она послала ему воздушный поцелуй, приложив ладонь к боковому стеклу. В ее глазах он прочел то ли смущение, то ли сожаление.

И тогда он смиренно пустил все на самотек. А разве могло быть иначе? Театральная жизнь захватила его, затянула в свой волшебный водоворот, не оставив ему даже маленького шанса: «С интимными же отношениями в моем возрасте можно и потерпеть, чай, не прыщавый недоросль уже. В конце концов, она тургеневская девушка, чего от нее еще было ожидать. Такие, как Ася, нынче редкость. Этим, можно сказать, меня и взяла. Самое же главное сейчас то, что они вместе, что он может держать ее за руку, смотреть в ее глаза, слушать ее рассуждения о великом и высоком театральном служении... или еще о чем-нибудь».

Через неделю у него на службе выдавали аванс. Данное обстоятельство пришлось очень кстати, потому как он уже порядком издержался. Он себе и не представлял раньше, до чего, оказывается, накладно вести театральную жизнь. Но что поделаешь, коль скоро его девушка, а он уже считал Асю своей девушкой, театральная маньячка: «Надо бы как-нибудь с ней поговорить, что ли. Намекнуть ей, что в жизни есть еще много разных, не менее приятных, но менее затратных удовольствий».

А еще через неделю Ася пропала. Не позвонила ему, как обычно, с утра. Ее номер тоже оказался вне зоны действия сети. Весь день он не находил себе места. Может, с ней что-то ужасное произошло, может быть, Асе нужна его помощь. Решено, надо срочно начинать поисковую операцию. Впрочем, что ему, собственно, о ней известно? Только то, что у нее тургеневское имя, и то, что она снимает комнату где-то на Юго-Западной.

Он взрыл весь интернет в поисках ее виртуальных следов, все выходные он прошлялся по разным театрам и кассам в надежде на случайную встречу. Но куда уж там.

В понедельник Толя с трудом заставил себя побриться и отправиться на работу.

Уже ближе к обеду к ним в НИИ ворвались три жизнерадостные и громкие грации. Шелестя яркими юбками, словно цыганки, они прошлись по этажам, облепляя на пути каждого встречного сотрудника и, игриво прося позолотить ручку, обещали тому взамен восторг прикосновения к прекрасному.

– Двенадцатая ночь, Эдип, Женщины без границ... – чирикали искусительницы. Короче говоря, предлагали театральные билеты на весенний сезон.

Толик стоял и мрачно курил на лестнице, когда женщины, словно цветастое торнадо, пронеслись мимо него. Лицо одной из них показалось ему удивительно знакомым. Неужели ее

подруга? Точно, она, та самая подруга Аси, которую он выгуливал вместе с ней на позапрошлой неделе в театр Маяковского. Нет, это не просто удача – это судьба!

Он в три прыжка настиг подругу возле туалетов и с таким азартом схватил за руку, что дама слегка испугалась.

– Тебе чего надо, алле.

– Ася, – только и смог произнести, задыхаясь, Толя.

– Я не Ася, – вырвала руку с усилием она.

– При чем тут вы, я про подругу вашу! Мы еще вместе в позапрошлую среду в театре, помните...

– Ах... вот оно что, – начала успокаиваться та, еще спустя мгновение складки у ее рта разгладились, а взгляд снова стал игривым. – Помню, помню. Только она мне никакая не подруга. Работаем мы с ней вместе. Она в нашей группе лучший театральный агент. Самые большие сборы у нее в этом месяце получились.

"Лучший, а как же иначе", – мелькнула у него довольная мысль, Ася ведь действительно лучшая, во всех отношениях.

– А я, я могу с ней как-нибудь связаться, а то у нее телефон третий день уже молчит?

– Так и немудрено, на Кипре она сейчас, путешествует по Пафосу со своим парнем, то есть с мужем, стало быть, теперь.

Если бы дама сказала, что Ася улетела на Марс искать следы внеземных театральных цивилизаций, то это, пожалуй, произвело бы на него меньшее впечатление. На Анатолия сейчас невозможно было смотреть без слез. Почему-то сейчас ему вспомнилось, что последняя постановка, на которую они ходили с Асей, была пьеса Карла Гоцци – «Король – олень».

– С мужем, вы уверены? А то ведь я, то есть мы, понимаете, в театр с ней собирались, – начал он мямлить какую-то несусразицу, чтобы вдруг не разрыдаться.

Его собеседница уже совсем отошла от шока и, с любопытством прищурившись, созерцала эту душещипательную мизансцену.

– А знаете, – вскинув брови, предложила она вдруг, – если дело в этом только, то в театр можете и меня сводить. Тут у нас такая чумовая премьера с Машковым, представляете?

Потом, достав из сумочки помятую программку, бойко затараторила, сев на своего привычного конька:

– А если еще возьмете два билета на «Садко», то вам выйдет скидка в десять процентов. Невероятно выгодное предложение...

Букинистика

В полуподвальном помещении «сталинки» или, как его еще называют – в цокольном этаже, под неброской вывеской «Книги б/у» рядом с химчисткой притаился обыкновенный букинистический магазинчик – неизменное место паломничества собирателей древних манускриптов, искусствоведов и алкоголиков.

Я не отношусь ни к тем, ни к другим, ни к третьим, но, тем не менее, мне сейчас сюда.

Втянув в плечи голову так, чтобы не задеть ею низкий свод козырька, я занырнул в тесный арочный проем и уперся носом в объявление: «Антикварные книги. Принимаем дорого – отдаем дешево».

"Принимаем дорого" – это как раз то, что нужно", – подумал я, памятуя о том, что под мышкой у меня лежит укутанное в газету старинное собрание сказок Г. Х. Андерсена, увидевшее свет еще в лохматом-прелохматом 1914 году. Я потянул на себя дверь, отозвавшуюся едва уловимым дребезжанием колокольчика.

Только чур, на меня укоризненно не смотреть. Подумаешь, наследство дядино прожигая потихоньку. Кстати, не вижу в этом ничего предосудительного. Все лучше, чем оно на антресолях, среди банок с соленьями пылиться будет. А так, может, встретит настоящего эстета наконец, того, что пыль с него дыханием трепетным сдует. Небольшая транзакция – и вуаля, все получили удовлетворение. Иной моральное, а кто-то, если повезет, и материальное.

В ожидании отлучившегося хозяина я задумчиво бродил по бесконечным галереям забытых доверху книгами стеллажей и, оценивая по ходу свои перспективы, изучал представленный литературный ассортимент.

И тут на тебе! Заплутав в книжных куцах, я, бывают же такие чудеса, совершенно неожиданно наткнулся на абсолютного, извините за выражение – однойцаевого, близнеца своего фолианта.

Знакомый серо-розовый корешок был зажат между потрёпанной энциклопедией «Лекарственные растения Азербайджана» и томом четвертым собрания сочинений Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка».

Я взял книгу в руки: "Издание т-ва Сытина, 1914 годъ", серенькая, невзрачнейшая такая книжечка в твердом потрепанном переплете. И правда, один в один. Разве что состояние, мягко говоря, не первый сорт.

Машинально бросив взгляд на ценник, я оторопел так, что язык к небу приклеился. Силы небесные – тридцать тысяч целковых!

Из культурного шока меня вывел дрожащий, елеинный голосок, донесшийся откуда-то из пыльных глубин книжного царства.

– Интересуетесь?

Протирая свою красную, блестящую как медаль плешь, вдогон за репликой показался, судя по его деловому виду, хозяин погребка – эдакий невзрачный субъект преклонных годов. На хищном ястребином носу мужчины висело старомодное пенсне с цепочкой. В руках он держал эмалированную табакерку.

– Инвестиция, пчхи, в безбедную старость или изящный подарок к юбилею?

– Да как вам сказать, – ответил я ему, кивнув на книгу. – Невероятно! Целых тридцать тысяч, неужели находятся даже те, кто берет?

– Спрашиваете! Еще как находятся, с руками отрывают. Кстати, ничего удивительного. Очень смешные, признаюсь, деньги за такой ценный, редкий экземпляр. От начального тиража уж и не осталось ничего поди. Вы только посмотрите, посмотрите, что за издатель, – гордо сунул он мне под нос обложку. – А!? Типография Сытина, одна из наиболее уважаемых до

революции была. Да-с, это вам не какой-то там Пантелеев. У коллекционеров такая вещь пользуется исключительным спросом. Желаете спросить – почему?

Я утвердительно мотнул головой и почесал за ухом, как пёс.

– Сказки! – провозгласил он, подняв вверх указательный палец. – Гм, универсальное чтение. Причем не простые сказки, а самого Ганса Христиана. Философия жизни, так сказать. Одинаково интересны любому возрасту. И навсегда таковыми останутся. Так что берите – не прогадаете, через десять лет стоимость только удвоится.

– А то, что она занюханная до невозможности, – продолжил задавать провокационные вопросы я, – ничего? Желтая вон вся, страницы, слипшиеся...

– В том-то вся и соль, любезный. На ней осела, не побоюсь этого слова, пыль минувших лет. Причем каждая ее историческая пылинка на вес золота будет. Вот и выходит, чем потрепанней фолиант, тем он дороже.

Он сложил губы в обидчивую трубочку и, поплевав на обложку, протер ее рукавом своего сюртука.

– А даже если и пожухла слегка, так это лучшая гарантия того, что вещица настоящая, не репринтное издание, не левак, понимаете?

– К тому же изрисованная сплошь, – не унимался я, расчесывая себе запястье, будто меня укусил комар. – Каракули какие-то везде, будто ручку расписывали.

– Скажете тоже – каракули. Культурное наследие!

Он взял с полки какой-то букинистический журнал и с чувством продекламировал:

– Оставленные на полях раритетного издания заметки известных людей могут увеличить стоимость книги в несколько раз.

– Так-то ведь известных, а тут непонятно кто отметил.

– Ваша правда. Оттого и дороже в два раза только.

– Ну в два так в два, – не расстроился я, вспомнив, что у меня на первой странице стоит экслибрис дяди-букиниста. – В два раза – это, пожалуй, тоже неплохо выйдет.

Я еще раз пролистал книгу, прежде чем поставить ее обратно на полку.

– Ой, смотрите, двух страниц не хватает как будто...

– Эка печаль, – лукаво прищурился хозяин, убедившись в справедливости моих слов. – Сколько страниц в ней всего – триста? Вооот. А тут парочка какая-то несчастная? Мизер, честное слово, меньше процента даже. Что есть они, что их нет. В рамках статистической погрешности, можно сказать.

Наконец он приблизил пенсне к моему лицу и кисло улыбнулся.

– Эх, гулять так гулять, предлагаю вам скидку... однопроцентную. Даааа, с ума я сошел, видно, в убыток себе отдаю. Ну как, по рукам?

– Вряд ли, – сочувственно выдохнул я в ответ. – У меня у самого такая имеется. Вот взгляните, – размотав газету, я вытащил на свет Божий двойника той, что торговалась стариком-антикваром. – Хоть и ценная вещь, но мне совершенно без надобности. Возьмете? На тридцать тысяч, понятно, не претендую, ведь не на голом же энтузиазме вы тут сидите, но дешевить, извините, тоже не намерен.

Лицо антиквара из красного сделалось бледным, даже в синеву стало слегка отливать. Нос еще больше заострился. Он понюхал из своей табакерки и протер пенсне.

– Сказки принесли, говорите, пчхи, – проскрипел он разочарованно. – Да уж, нашли чем удивить в наш-то просвещенный век. Вы, молодой человек, похоже, не совсем в теме, что у порядочных людей на повестке сейчас.

"Вот тебе и здрасьте! А мне до сих пор казалось, что сказки Андерсена на века."

– Надо же. И какие вещи востребованы, по-вашему?

– Естествознание в цене, история, – начал загибать пальцы старик, – энциклопедия Брокгауза и Эфрона еще. Одним словом – реализм. А вы со своими сказками пожаловали! Даже

не знаю, что вам тут посоветовать, уважаемый. Кстати, этот экземплярчик, – он презрительно кивнул в сторону своего Андерсена, – полгода уже на полке маринуется. Даром никому не нужен, а уж за подобные деньжищи тем более. Вы первый за все прошедшее время, кто на эту лабудень глаз положил. Я-то, дурак старый, перекрестился было, что и на нее свой простофиля нашелся. Только, видно, скоро лишь сказка сказывается.

– Но ведь Сытин же, редкая вещь, как бы первый до революции...

– Опять вы заладили свое – Сытин, Сытин. Что вам дался этот Сытин? Сытина много на рынке стало теперь, надоед всем до смерти. Вот если бы вы Пантелеева принесли, тогда другое дело, тогда я точно отсыпал бы вам, не торгуясь. А тут какой-то Сытин. «Ладно, дайте-ка ее сюда», – сказал он и, брезгливо сморщившись, взял книгу в руки. – Ну точно, все так и есть, вон листочек загнут, а еще царапина, видите, на обложке? Дааа, реставрация нужна серьезная. Без больших затрат не обойдешься. Не уверен даже, имеет ли смысл в нее вкладываться.

– Впрочем, как пожелаете, – я потянул было книгу на себя.

– Да погодите, погодите вы, – он живо отстранил мою руку, – горячий какой. Я же не сказал – нет. Сложно, говорю, с реализацией дальнейшей придется. Цена от этого падает сильно.

– Что ж, падает так падает, – вздохнул я, отчаянно почесываясь. – Уступлю за десять тысяч в таком случае.

– Желтая какая-то она у вас, выцвела вся. Две тысячи дам, если хотите.

– Сколько? А то, что печать хозяина на титульном листе стоит, пыль веков, сами же говорили, – ткнул я пальцем в фиолетовое клеймо. – Побойтесь Бога, накиньте еще хотя бы столько же, за культурное наследие.

– Это-то наследие? Мазня какая-то неприличная, – скривился он, посмотрев на именной знак через увеличительное стекло. – Эдак я вам сейчас сам под Хохлому ее разрисую и денег потом попрошу. Дефект – это батенька, де-фэкт, – повторил он, смакуя последний слог, – так что – тысяча, вот мое вам последнее слово, пчхи.

– Черт с вами, штука так штука, – махнул рукой я, – легко пришло – легко ушло. Бог дал – Бог взял. Только деньги вперед пожалте.

Антиквар, громко шаркая ногами, пошел к сейфу. Там он долго возился с ключами, время от времени бросая подозрительные взгляды в мою сторону.

– Скажите, кто я, если не старый дурак и не безнадежный романтик? – бормотал он, отсчитывая дрожащей рукой мятые сторублевки. – Что мне с этой напастью делать прикажете, солить этого Сытина, что ли? Ну да раз обещал...

Уже на выходе я припомнил, что у меня среди всего прочего сам Пантелеев на антресолях пыль собирает: "Интересно, а вдруг на нем повезет озолотиться".

– Любезный, вы вроде намекали, что Пантелеев сейчас в цене...

Повернувшись лицом к хозяину, я увидел, как тот с довольным лицом ставит новую книгу на полку, как раз вместо того экземпляра, который привлек мое внимание накануне...

Вкус к жизни

Станислав Николаевич Сидоров утратил вкус к жизни. Это фундаментальное чувство оставило его примерно в тот момент, когда районный врач, уткнувшись подслеповатыми глазами в медицинские бумажки, вынес зловеющий вердикт: «Гепатит С в запущенной форме».

– Да уж, дрянь дело, батенька. «Я нынче за вашу печенку и рубля, поломанного не дам», – сказал он, протирая очки, – одним словом – приплыли-с.

– К... куда-с приплыли? – под ногами больного качнулся пол, а в голове, ударив в литавры, заиграл траурный марш Шопена.

Стас всегда был впечатлительным человеком. Его отнюдь не скупое воображение добавляло ему приятных бонусов к личной жизни, конечно, но с другой стороны, превращало малейшее беспокойство в настоящую муку. А тут еще целый повод подвернулся.

– Хотя к нотариусу вам бежать рановато еще, – невозмутимо продолжил доктор, заметив, как набухла кровью синяя жилка у виска пациента, – поживете еще, глядишь, чуток, а там...

– И сколько примерно этот чуток по времени выйдет? – всхлипнул приговоренный, противно клацая зубами.

– Нуу, лет на деесять мооожет и задержитесь, – задумчиво вытягивая слова, уточнил эскулап, – что, маловато будет? Ладно уж, только из человеческого сочувствия к вам – двадцать, но больше даже не умоляйте – все равно не дам.

Проведя несложную оценку («Так это мне уже под шесть десятков свистнет») и сделав глубокий выдох облегчения, Стас решил, что, придя домой, он первым делом плеснет себе граммов эдак сто: «За все плохое, что хорошо кончается. Сравнительно, конечно».

Но врач словно уловил сорокоградусные флюиды, исходившие от пациента.

– Только с этим, мужчина, сами понимаете, теперь ни-ни, – многозначительно постучал он по своему кадыку и с грустью покачал головой.

– Типа даже пива нельзя, что ли? – стал потихоньку наглеть, почти оправившийся от шока Стасик.

– Пива-то? Тем более.

Дома, сидя за вечерней трапезой, мрачный Стас в кои-то веки с ожесточением дул зеленый чай, не обращая внимания на удивленные взгляды домашних: жены, дочери-восьмиклассницы и кобелька породы спаниель. Три бутылки «Балтики № 5» в тот вечер так и остались набираться холода на балконе. Ужин семейство Сидоровых поглощало в свинцовой тишине.

– Картошку пересолила, а бисквит твой и вовсе подгорел. – За весь вечер это был единственный раз, когда Стас подал недовольный глухой голос.

– Посолила, как любишь, – сморщив лицо, парировала обиженная супруга, – а бисквит мой, кстати, третий день уже едим, до сих пор нареканий не было.

Позже, прежде чем отойти ко сну, она, источая тяжелый дух изысканных благовоний, предстала пред Стасом в соблазнительном образе Клеопатры, с треском натянув на свои щекры бока неприличный «целлофановый мешок» с кружавчиками. На левой ноге ее, чуть не дотянувшись до колена, одиноко чернел капроновый чулок, к которому так и не сыскалась пара.

– Как тебе этот новый пеньюар, мой тигр? Правда же он секси? Может, отметим обновочку? – промурлыкала одалиска, положив мужу на живот пылающую ладонь, и кокетливо откинула назад свои жиденькие волосы.

Даже при тусклом свете ночника Стас ужаснулся, глядя на то, какое жалкое зрелище явилось его взору: «Боже, насколько ты стала малосимпатична! Постарела, обрюзгла, облиняла вся. И когда только успела нарастить свои бульдожьи щеки, лапки эти гусиные под глазами завести? Удивительно, как я раньше-то всего этого не замечал...»

– Извини, дорогая, работы было сегодня через край, голова трещит, – кисло отмахнулся он и почти брезгливо добавил, – а ты бы, это, сходила к парикмахеру, что ли...

После чего он, отвернувшись носом к стенке, зажмурился и начал считать овец.

Назавтра было субботнее утро. И день – без капли спиртного. А еще проблема: чем занять мятующийся от осознания своей не востребоваемости рассудок:

«Может быть, как всегда, махнуть на рыбалку? – уже который год, каждую вторую субботу они исправно ходят с Коляном на водохранилище. Только вот в его, Стасика, нынешнем состоянии, что прикажете там делать? – Рыбу попробовать разве что половить? Вопрос только – чем?»

Стасик приподнялся в кресле и бросил тоскливый взгляд в сторону удилица, стоявшего на балконе. Снасти на нем отсутствовали. Поплавки, крючки и все прочее еще прошлым летом унес с собой под воду ушлый жизнелюб-жерех, когда они с Колькой почти до потери самоидентификации «рыбачили» в плавнях. Он бы одолжил, конечно, запасную удочку у Коляна, да только у того и основной-то отродясь не было. Так что с рыбалкой сегодня не судьба. Хотя может быть оно и к лучшему: долго все это, тягостно, да и несчастных водоплавающих жаль.

– Эврика! – осенило его вдруг, – Костика надо срочно набрать, он вроде как в баню сегодня намыливался.

Но не успев еще толком загореться, Стасик окончательно потух: «Ну и кто мне объяснит, в чем тут цимес? – тоскливо сжалось у него сердце. – Вокруг, значит, все будут люди как люди, лишь он один, как маньяк, со своими «Ессентуками»?»

При этом ему представилась толпа кряхтящих краснозрых мужиков в парной, запах несвежих подштанников вперемишку с лавандой и конским потом, и его едва не вывернуло от отвращения. А помыться, если уж на то пошло, он и дома в состоянии.

От грустных мыслей касательно проведения досуга его отвлекла дочь-восьмиклассница, когда, обреченно вздыхая, тянула на кухню пылесос. Не сумев равнодушно пройти мимо большого винтажного зеркала, что висело рядом со Стасом, она остановилась и, взяв гребень, стала усердно перечесывать челку с левой стороны лба на правую.

Это, казалось бы, совершенное безобидное действие отчего-то вызвало внутри отца глухое раздражение, которое в свою очередь спровоцировало у него смутный рефлекс:

– Эй, что ты тут хвостом вертишь, дневник неси сюда, живо, – насупил он родительскую бровь.

– Ты, папа... – высокомерно произнесла, с ударением на вторую гласную А, дочь-восьмиклассница – ...в себе ваще? Какой-такой дневник, их у нас уже три года нет. – И не соизволив оторваться от своего занятия, пожала угловатыми плечами.

Стас растерялся: «Черт возьми, надо было так глупо опростофилиться на ровном месте».

– Сам знаю. Не дерзи отцу.

Противная нимфетка в ответ обдала его уничижительным взглядом и начала перечесывать челку обратно, с правой стороны на левую.

«Как же серо и тоскливо все вокруг, а впереди, если верить доктору, еще двадцать тягучих, беспросветных лет, больше семи тысяч таких же, как этот, бесплодных дней», – подумалось ему. А на улице, как назло, мерзко светит солнце, плава последний унылый снег, что уже почти обнажил под собой убогую зелень весеннего двора, щедро угаженного всякими смердящими, блохастыми шавками.

Будучи не в силах смириться со своим постылым бытием, Стас, словно утопающий за соломинку, схватился за пульт телевизора. По телику шла трансляция футбольного матча «Сочи – Спартак». «Ну наконец-то! – воспарял духом болельщик со стажем. Ноги сами хотели было отнести его к балкону, где своего часа дожидалась заветная полторашка. Впрочем, не успев сделать и полшага в сторону цели, его тело дернулось, потом поникло и безвольно плюхнулось обратно в кресло. – Тьфу ты, напасть...»

Смотреть тягостный матч на сухое горло Стасу было омерзительно. Какие-то сонные мухи хаотично ползали по экрану то в одном, то в обратном направлении: «Надо же ведь какая скука. А ведь кто-то, чтобы сходить поглазеть на это убожество, немалые деньги отдает». Так и не дождавшись, чем закончится матч, он забылся беспокойным, тяжелым сном.

Проснулся, когда на улице уже начало темнеть. Дома никого не было, если не считать спаниеля, который глухо кашлял в углу.

Стас потянулся к выключателю, но тот в ответ только выпал из своего гнезда и заискрил.

«Непорядок, – мелькнула у него вдруг шальная мысль, – стоило бы исправить».

– А тут еще и проводка дрянь, того и гляди коротнет, – сказал он, задумчиво глядя на желтый обвисший провод, лианой ниспадавший с потолка. – Да, кстати, неплохо было бы и карниз укрепить, потом замок на двери в туалет давно уже под замену просится, а то ведь открывается через раз. Когда-нибудь эдак и не добежишь.

И так неспешно, шаг за шагом, Стас обошел квартиру, повсюду приглядываясь, приносясь, надавливая руками, проверяя все на крепость, целостность и устойчивость. По мере проведения контрольного обхода количество объектов, требующих приложения его сил, увеличивалось, а в ноздри Стасу тонкой струйкой потянуло едва ощутимым ароматом жизни.

Через полчаса у него на руках уже был список неотложных мужских дел, в том числе:

– укрепить ножку у дивана, что охромел после одного уникального события, о котором Стас уже столько лет вспоминает с гордостью: «Были и мы рысаками!» Сейчас за горизонтальность этого предмета первой необходимости отвечает А. С. Пушкин. Точнее трехтомное собрание его сочинений, нашедшее свое пристанище у диванного изголовья;

– прочистить наконец «задохнувшийся» вентиляционный короб. Иначе даже зимой курить на балкон приходится выходить. Это, наверное, после того, как он туда однажды ведро с мусором вынес, перепутав вентиляцию с мусоропроводом. Совершенно случайно, разумеется;

– демонтировать детскую кроватку и убрать новогоднюю елку;

– ну и остальное там, по мелочи...

Только-только успел Стас вытянуть из-под кресла ящик с инструментами, чтобы провести там ревизию, как услышал за спиной кашель. Обернувшись, обнаружил перед собой застенчиво переминающегося с лапы на лапу спаниеля, без особой надежды смотрящего на своего хозяина грустными слезящимися глазами. Нет, оно-то понятно, конечно, почему переминающегося, и ясно, отчего собачьи глаза такие печальные. За все время Стас, кажется, всего пару раз выводил его по делам, да и то, когда шел за пивом.

– Ну что, пошли, что ли? – неожиданно для себя произнёс Стас и накинул на плечи куртку.

«Издеваешься?» – недоверчиво покачал головой спаниель, но на всякий случай все же сбегал за поводком.

Уже спускаясь по ступенькам, Стас почувствовал, как в кармане его брюк встрепенулся телефон.

– Это доктор вас беспокоит, – услышал он через мгновение, и все внутри у него оборвалось, вот прямо так, как вчера на приеме: «Ох, не к добру это».

– Тут у меня для вас есть две новости, Станислав Николаевич. Причем одна из них вполне хорошая.

– Начинайте с плохой уж...

– В общем, принесли мне сейчас уточняющую анамнез биохимию. А она возьми и покажи, что там не просто гепатит, там цирроз уже всю развивается.

– Вот оно даже как? – растерянно пробормотал Стас, ища глазами, куда бы ему прислониться. – Но у вас, если я не ошибаюсь, еще и хорошая новость была.

– Ах да, чуть ведь не забыл. Как оказалось, это не ваши анализы, батенька.

– В каком это смысле не мои? – опешил Стас.

– В прямом. Вы же у нас Сидоров С. Н.?

– С. Н.

– Вот именно, – голос доктора радостно звенел в эфире. – А тот Сидоров, у кого цирроз, – В. Н. Чувствуете разницу? Извините, очень уж распространённая у вас фамилия оказалась, а у меня близорукость – минус три.

– Так, что же это, получается, я сейчас как бы могу...?

– Можете, – донеслось из трубки, – но все равно не слишком увлекайтесь, а то скоро закончите, как В. Н.

Окончание фразы Стас уже не расслышал. Дернув за поводок спаниеля, он направил его в сторону ближайшего магазина. Небо на улице к тому времени заволочло симпатичными черными тучами, и поднялся приятный, освежающий шквалистый ветер. Едва сдерживая рыдания, Стас подставлял счастливое лицо благодатным струям хлесткого дождя, что обрушился на него вперемешку с зарядами ласкового мокрого снега. Стасик воскрес.

Семейный ужин прошел, как обычно, – шумно, гармонично, весело. Куриные котлеты были приняты мужской аудиторией весьма благосклонно, яичница же с сыром вообще удостоилась гран-при.

Перед тем как начать подготовку ко сну, Стас упал в свое любимое кресло, лениво запнув под него коробку с инструментами, и потянулся к пульту телевизора, чтобы нащелкать свой любимый «Матч ТВ».

– Ты ничего во мне не замечаешь, котик? – спросила супруга, присев рядом с креслом на корточки. Выгнув спину, она смотрела на Стаса снизу вверх преданными круглыми глазами, едва не высунув язык от невероятного старания произвести позитивное впечатление.

Тот сфокусировал блаженный взгляд на жене и присмотрелся к ее очертаниям. Ах, вот оно что!

Оказалось, что та успела сделать отчаянную ультракороткую стрижку и наложить суровый макияж, который теперь выгодно подчеркивал квадратуру ее нижней челюсти. Мощную шею искусительницы сейчас обвивало кольцо со стразами, висевшими аж в три ряда. Несмотря на то, что в своем обновленном имидже она теперь больше походила на ухоженного откормленного мопса, нежели на прекрасную одалиску, Стаса это не остановило. Проведя рукой по весьма приятным на ощупь складкам на ее спине, он, немного смущаясь, предложил:

– Ну, ты это, давай примеривай свой пеньюар, что ли...

На следующее утро Стас с Коляном отправились на рыбалку.

Бес попутал

«Вольф говорил: – Нормально идти в гости, когда зовут. Ужасно идти в гости, когда не зовут. Однако самое лучшее – это когда зовут, а ты не идешь»

С. Довлатов – «Соло на ундервуде»

По случаю пятнадцатой годовщины совместной жизни чета Гусевых давала у себя званый ужин. Обстановка в гостиной была весьма оживленная, хотя приглашенных было только двое – розовощекая и «фатальная» приятельница хлебосольной хозяйки вместе со своим подернутым сединой мужем. Праздничный стол мог похвастаться тремя полупустыми или, если кому угодно, наполовину полными бутылками хереса, рядом с которыми расположились соответствующие им холодные закуски – копченая треска, ломоть козьего сыра и остатки заливного из индюшки. Во главе стола солидно восседала, подогревая своим роскошным телом окружающую среду, ну очень знойная мадам Гусева. Над загорелой, по-матросски кряжистой спиной женщины нависал ее изрядно осоловевший супруг, который в тот момент произносил свой очередной монолог:

– Греем мы, значит, с милкой пузо на побережье. Красота. Справа океан, слева скалы, там кактусы с койотами, тут текила. Впрочем, текила, она везде. Понятно, что среди такого разнообразия не то что про скорый юбилей, имя свое забудешь. Вон как она, к примеру, – самодовольно усмехнулся он, облокотившись на плечо разомлевшей жены. – У меня же в котелке цифра пятнадцать засела крепко. И тогда, улучив минутку, наведалься я в местный ювелирторг, где глаз на кулончик положил на один. То ли с филином, то ли с совой мексиканской, хрен разберешь. А вещичка эта, я скажу вам, не из разряда "оторви и брось". Настоящее золото майя или инков, а рубин там и вовсе карат на двадцать тянет. Вернемся, думаю, из Мексики, сделаю своей благоверной сюрприз, а заодно и светлую память об отпуске сохраню.

– Ма, я на улицу, – прервал оратора звонкий девичий голос из прихожей.

– Чтобы в девять дома, как солдат Джейн, ясно? – всколыхнулась своим обильным бюстом хозяйка. – Поняла?.. я тебя спрашиваю.

– Услышала.

– Услышала она. Ну что ты с ней будешь делать, с акселераткой.

– Издержаться, правда, пришлось изрядно, – продолжал тем временем разглагольствовать муж, размахивая зажатым в руке бокалом, – пять тысяч монет махнул за него сгоряча. Зелени, заметь... те, не рублей. Но на что только не пойдешь ради дорогого, ик... человека.

При этом он настолько выразительно посмотрел на подругу жены, что та вспыхнула и поправила свое каре.

"Завидуй, завидуй, дурочка, – подумала хозяйка, от наметанного глаза которой не ускользнул данный пассаж. – А мой-то павлин, надо же, как перья распустил, буквально еще чуть-чуть, и ревновать начинать".

Вскоре подали горячее – домашние голубцы с подливой на сметане и фаршированную утку, вызвавшую настоящий гастрономический экстаз у присутствующих. На данном основании муж хозяйки снова взял слово, требовательно постучав вилкой по бутылке.

– Мииинуточку вниманья, кол... леги. Все мы только что увидели, какая у меня искусница жена. А видели бы вы еще, как пыхтела она весь день у плиты, как душу в стряпню вкладывала. Вот спроси: не жалеешь ли ты, отец, что разорился на подарок тогда? Ни секунды не жалею, отвечу я, ибо не на ветер эти тысячи брошены, не продуты со свистом, а вложены, инвестированы в искреннюю любовь и неподдельное мое восхищение.

Тут юбиляр протер глаза и произнес со слезой в голосе:

– Но пардон, до... дорогая, мне это показалось, или ты преминула надеть мой прэ... ззент? А ну-ка, дочь Монтесумы, яви его нам – удиви. Прро... шу...

Распалившийся Гусев хотел было завершить речь церемонным поклоном, но – дзинь! – и вместо красивого жеста едва не снес со стола салатницу.

– Про-сим, про-сим, – заплодировали гости.

– Ну будет уже, будет, иду я, – польщенная хозяйка, отдуваясь, поднялась из-за стола и отправилась в уборную – украшаться.

Через минуту она вернулась обратно с недоуменно разведенными руками.

– Ума не приложу, куда он мог задеваться. Только-только вроде на тумбочке лежал. А тут раз, и будто корова языком слизала. Странно. Может, в шкафу? Нет. И на полке тоже пусто. Улетела твоя сова, милый, обратно к себе в пампасы.

– Не может того быть... ик, кулоны не летают. В сумочке смотрела?

Милый, неуверенно покачнувшись, наклонился над лежащим на диване красным риди-кюлем.

– Вуаля! – Через мгновенье он выудил оттуда искомое украшение, потянув его за золотистую цепочку. – Прошу любить и жаловать – священная мексиканская сова, двадцать карат. А что это ты, зая, на меня так уставилась?

– Да как тебе сказать, дорогой. Просто ты, олух, не мою сумочку обыскал, – напряглась хозяйка, душу которой начала царапать непонятная тревога. – Моя вон там, на вешалке висит, коричневая.

– Интересеннннко. По...позвольте! – супруг почесал пятерней затылок, лицо его потихоньку вытянулось, а голос тонко завибрировал. – А эта авоська чья тогда, а?

На мгновенье в помещении повисла неловкая тишина, которая была нарушена едва уловимым вздохом подруги.

– Моя, стало быть.

– Твоя? – подавилась голубцом юбиляра, – и как эта долбан... простите, данная сова там оказалась? Не хочешь ли сказать, что ты ее...

– Взяла, – нехотя выдавила из себя подруга, прикрыв глаза ресницами. – Соблазнилась. Да, да – украла, слямзила. И не смотри на меня так, пожалуйста.

Супруг подруги со звоном поставил свой бокал на стол. Его знобило.

– Надо же, как у тебя все просто получается! Захотела – взяла. А ты не подумала какая тень упадет на тебя, на меня, на семью если... попадешься? Хотя, о чем это я, в нашем доме обо всем приходится думать мне. Боже мой, какой позор, какое бесчестье. Мало я тебе всякой фигни надарил что ли, негодница?

– Мало, видимо.

Да уж, необычная ситуация возникла в доме Гусевых, беспрецедентная. Но, как всегда в таких случаях бывает, возмущенное удивление постепенно сменилось сначала растерянностью, потом разговором по душам и, наконец, раскаянием.

– Вот так номер, – лепетала ошалевшая от увиденного хозяйка. – Уж чего-чего, а такого цирка я от тебя не ожидала, дорогая.

– Я... я и сама от себя не ожидала, признаюсь. Бес, наверное, попутал. Зашла – смотрю, кулон лежит золотой и необычный. А как узнала, сколько он стоит, меня и вовсе будто перемкнуло. Мой-то ведь точно на такое не раскошелится. Обидно-то как, Господи, – всхлинула подруга.

– О какой-такой ценности ты тут говоришь? Насколько редка вещь, судить не берусь, но цена этой бижутерии на блошином рынке в Эрмосье примерно двадцать долларов в базарный день. Слушай моего трепача больше.

– Только-то и всего? – гостья вспыхнула и побледнела одновременно.

– А ты как думала. Двадцать долларов – его потолок, он удавится скорее, чем ради меня на большее разорится.

– Тогда тем более обидно.

* * *

– Никак не пойму, чем ее накрыло сегодня, – задумчиво сказала хозяйка, когда гости скрылись за порогом, – совершенно на нее не похоже. Мужика чужого увести – да, такое вполне ей по силам, долг забыть вернуть – тоже всегда пожалуйста, но, чтобы стекляшки вдруг красть какие-то...

– Я, если честно, тоже в шоке, – с удовольствием поддержал разговор ее протрезвевший супруг. – Впрочем, в жизни каждой приличной девушки всегда что-то бывает в первый раз. А если у человека к тому же нет за душой моральных устоев...

– И не говори, дорогой, запросто докатится до уголовщины. Кстати, Гусев, не знаешь, куда это дочь твоя запропастилась?

Как бы в ответ на ее вопрос в прихожей громко хлопнула дверь.

– А вон и Машка пришла, легка на помине.

– Здрасьте, – в квартиру вихрем ворвалась их блудная дочь и направилась кратчайшей дорогой к холодильнику. – Ну-ка, что тут от вашего праздника жизни заваялось? Ты не обижайся, ма, только я твой кулон сегодня сцапала, пофасонить захотелось. На вот, лови, возвращаю. Сильно расстроилась? – спросила она, не совсем понимая, отчего так округлились глаза у ее матери при виде блеснувшей безделушки. – Ну извини, извини. Однако, скажу тебе, оно того стоило. Аленка, представляешь, аж подурнела от зависти, а Сенька Букин таак на меня смотрееел... Стоп, а этот тогда у тебя откуда? – недоуменно уставилась она на грудь своей матери.

– А это ты, дочь, лучше у него вон спроси, – холодно кивнула мать в сторону своего резко осунувшегося супруга...

Искусство поздравления

Уютно устроившись за обеденным столиком, облизывая время от времени свои лоснящиеся губы, пропитанные расстегаем с кроликом и харчо, начальник отдела информации и печати г-н Смекалов оформлял поздравительную открытку. Поздравление готовилось по случаю грядущего Дня печати – профессионального праздника одного ответственного лица, коему предназначался данный труд.

На лице Смекалова было написано напряжение вольт эдак в триста и вселенская скорбь, а на открытке пока только: «Уважаемый Анатолий Степанович!..»

К слову, Анатолий Степанович – это директор одного из департаментов того же ведомства, по которому служил сам сочинитель, а если уж быть совсем точным, то непосредственный руководитель взявшегося за перо чиновника.

Вот уж полчаса как Смекалов, обхватив руками горячую плешь и пританцовывая под столом своими толстенькими, обутыми в домашние тапочки из овчины ножками, изо всех сил старался придумать поздравительный текст, но дело у него шло из рук вон плохо. Ему не приходило в голову ровным счетом ничего, разве что щемило висок от глухого раздражения, но оно, как известно, является слабым катализатором вдохновения.

– Ну чего бы такого сочненького написать этой истрёпанной калоше, – ворчал Смекалов, ковыряя огрызком химического карандаша в ухе, пунцовом от усиленных когнитивных процессов.

– Нормальные люди давно уже друг другу СМС-ки шлют, – злился он, – письма электронные отправляют. Этот же индюк облезлый любит, чтобы все было как во время оно. Чинчином. Чтоб почтальон обязательно депешу, как материальное свидетельство верноподданных чувств, домой доставил. Чтобы было, значит, чем на пенсии перед внуками щегольнуть: "Ну-ка, взгляните, детки, какое дед на службе уважение снискал". Вот и я так думаю, на пенсию ему пора, к внукам. Лет уж десять как пора. А он все сидит в своем кабинете, точно истукан с острова Пасхи. И, что самое обидное, ведь не дождешься, когда место мне очистит. Порой даже кажется, что меня самого на пенсию раньше определяют. А вот это уже, что называется, идея!

И он, смочив слюной карандаш, ровным почерком вывел: «Желаю вам оставаться еще многая-многая лета на руководстве нашим Департаментом!»

– Сам же будто не видит, что кислород всем перекрыл, – продолжал раздражаться Смекалов. – Впрочем, о чем это я, конечно же, видит, и это доставляет ему глубокое удовлетворение. Дураку же ясно, что не уйдет он по-хорошему, если только не окочурится ненароком. Одна только, прости Господи, надежда, в общем, и осталась. Ух ты, опять неплохая мысль! Ишь ты, как процесс пошёл, однако.

И он, пока не запаматовал, торопливо нацарапал: «Желаю вам богатырского здоровья и кавказского долголетия».

Потом он, уже совсем разойдясь, пожелал начальнику новых трудовых свершений, материальных (куда ж без них!) благ, и даже (на всякий случай...) побед на любовном фронте...

Наконец чиновник окинул критическим взглядом свои письма и остался недоволен. Текст показался ему куцым и невыразительным, и, что самое ужасное, не исполненным должного почтения.

– Ты, брат, давай уже, что ли, напрягись. Постарайся еще что-нибудь такое-эдакое закрутить. А то сам еще надуется, не дай Бог, и устроит тебе счастливые времена на весь остаток дней твоих. С таким-то сволочным нравом, как у него, ему это раз плюнуть. Только и умеет, что гнобить и мытарить, мытарить и гнобить. Впрочем, в этом, собственно, и заключается весь стиль его недалекого руководства.

Смекалов потер себе виски и дописал: «С неподдельным уважением к вашему незаурядному управленческому таланту и с искренним восхищением высокими человеческими качествами».

– Все, пожалуй, сейчас именно то, что доктор прописал. Такое поздравление и министру отправить не зазорно. Пилотаж!

От благостных мыслей его оторвал настойчивый звонок в дверь. Звонил курьер. «Поздравительная открытка? Интересно, от кого она могла бы быть?»

Смекалов взял со стола ножичек и осторожно вскрыл доставленный конверт. Нельзя сказать, что содержимое конверта сильно его удивило.

– Ну так кто ж еще, если не Мудров. Десять лет, как-никак, работает у меня заместителем. Отметиться, значит, решил, шельма. Ну-кась посмотрим, на что ты там сподобился, – пробормотал польщенный Смекалов и надел очки.

«...От души поздравляю вас с нашим общим праздником – Днем печати. Искренне желаю крепкого здоровья, профессионального долголетия, а также побед на любовном фронте. Горд и счастлив работать с таким грамотным руководителем и замечательным человеком...»

Золотая рыба

На столицу потихоньку опускался знойный майский вечер. За окном неистовым прибоем шумела суматошная улица. Закатное солнце, хоть и погружалось с каждой минутой все глубже в разлитую на западе небесную бирюзу, но пока еще щедро наполняло лучистой энергией тесную квартирку без балкона, весело флиртуя с гранями расставленного на столе китайского праздничного сервиза.

Во главе стола, в старом, просиженном почти до пола кресле, высоко задрав колени, восседал он – высокий, голубоглазый блондин лет тридцати пяти от роду. Четко очерченный абрис тяжелых скул, ироничный взгляд и преждевременные потертости на лице выдавали в нем натуру волевою и не склонную к компромиссам, обогащенную к тому же самым разнообразным жизненным опытом.

Такой легко, с пол-оборота своей античной головы, сведет с ума любую красотку, точнее она, словно осенняя муха, сама упадет в расставленные им сети, стоит ей только заглянуть в эти влажные, с поволокой, глаза.

А если при этом она еще не обнаружит у него на безымянном пальце кольца, то вообще тушите свет: «Холост, ой, мамочки, попадаю...»

У нашего блондина тоже не было на пальце кольца, впрочем, обет безбрачия он явно не давал. Мало того, он даже был когда-то женат, причем дважды, но оба раза коротко и неудачно.

Хотя посторонним об этом знать вовсе не обязательно, но нынче о не сложившихся браках ему напоминают лишь две фотокарточки дочерей над письменным столом, а также пачка исполнительных листов на верхней полке секретера. Сильно обжегся он тогда с двумя провинциальными резвыми хищницами. Вот потому-то с тех пор и зарекся связывать себя узами Гименея и жил исключительно в свое удовольствие. Правда, удовольствие в его понимании означало, преимущественно, веселые компании, разбитных грудастых девок и крепкий алкоголь. С годами такое времяпрепровождение вошло у него в привычку и даже превратилось в смысл жизни. Алкоголя, однако, со временем требовалось все больше и больше, а денег, увы, больше никак не становилось, ввиду того, что на разных производствах, где он, естественно, надолго не задерживался, терпели его выкрутасы все меньше и меньше. Пока не перестали терпеть совсем. После чего он, хлебнув вдоволь лиха на погрузочно-разгрузочных работах и схлопотав острый миокардит и хронический колит, в конце концов, дал матери клятвенное слово взяться за ум. Женитьба, естественно, стояла у него в списке добрых дел на первом месте, как самое из них простое и приятное.

Сейчас он пил из высокого бокала негазированной минералки и не сводил напряженного взгляда со своей гипотетической невесты. Перед ним, чуть сморщив аккуратный носик, сидела подтянутая, со вкусом одетая и сравнительно молодая женщина. Дамочку, наверное, можно было бы назвать симпатичной, если бы не ее круглые, слегка навывкате глаза и большой тонкий рыбий рот. Она меланхолично перемешивала в чашке кофейную гущу и оторопело смотрела по сторонам.

Между кухней и молодыми сновала ее гипотетическая свекровь, в старомодном вечернем платье и тапках на босу ногу.

– Анжелочка, дорогуша, – причитала она, – что же вы не едите-то? Неужто фигуру боитесь испортить? Так не надо, не надо бояться, от наших фирменных баклажанчиков никто не поправлялся еще.

– Да мне не хочется что-то, спасибо.

– А знаете что, откушайте-ка вы маринованных огурчиков, свои, с огорода, – никак не унималась та. – Или вот лучше грибочков, грибочков попробуйте! Мой Сережа сам их собирал, он у нас мастер по этому делу, давайте положу, не стесняйтесь.

– Я не стесняюсь, Маргарита Павловна, просто на работе сегодня плотно пообедала, – вздохнула она, потупив взгляд. Судя по кислому выражению лица гостьи, ее явно что-то удручало.

– Да разве там подадут такие грибочки...

– Не беспокойтесь, у нас в "Нацпромбанке" хорошая столовая...

– Так-то вот – в "Нацпромбанке", – не без удовольствия отметил про себя блондин. В общем, с невестой ему, похоже, крупно повезло. Серега знаком с ней уже почти три месяца. Нашли друг друга в интернете. Парадокс, но, оказывается, заместители директоров банков тоже плачут, а их успехи в личной жизни по большому счету никак не зависят от количества нулей у них на расчетном счете. И эта тоже из таких – синий чулок, ударница капиталистического труда, со своей вечной карьерой, личностным ростом и гендерными комплексами, удивительно, как только умудрилась ребенка зачать. Зато не избалованная мужским вниманием, и влюбилась в него сразу словно кошка. Хотя разве могло быть иначе!

– Женюсь, непременно женюсь.

Впрочем, сейчас у них все к тому и идет.

Вон и мама его присела наконец-то за угол стола, стараясь унять свои непослушные руки, которые так и тянутся подвинуть поближе к Анжелочке тарелку с холодцом, и украдкой трет салфеткой счастливые глаза. А в глазах так и читается: «Неужели-таки остепенился, за ум схватился, видно, закончилась черная полоса у матери».

Он-то и сам понимает, что уже пора, вот он, вариант, который на всю жизнь, и в радости, и в горе. Надо только смело ковать железо и стараться не допускать оплошностей. По этому поводу он спиртное последнее время даже нюхать перестал. Чтобы не сорваться вдруг и не дай Бог как-нибудь не оскорбиться.

Сегодня он впервые привел Анжелу к себе домой на смотрины. Она давно уже хотела познакомиться с его мамой и с естественной средой его обитания. Серега все время откладывал этот момент, боялся. Что он ей тут покажет? Жалкие интерьеры, облупившийся шкаф времен позднего советского ренессанса, старенький телевизор Сони? Двадцать первый век, как-никак, уже на дворе.

Все время их знакомства Серега старательно обходил разговором только две темы – свою работу и свое материальное положение. Потому что ни того, ни другого у него не было. И, если с работой у Сереги туго было лишь периодически, то достатка в жизни он не видел отродясь. Квартира же с косметическим ремонтом двадцатилетней давности сегодня вообще превратилась в его главную боль. Это с предыдущим его контингентом можно было не комплексовать по такому поводу, с ней же совсем другое. Ее сиятельство из высшего общества, с претензиями. А тут такой «парафин». Но не пригласить ее в гости он не посмел, а чего соврать не нашелся. Одно Серега знал точно: если испытание домашним очагом он выдержит, то все остальное пройдет как по маслу. Летом они узаконят, наконец, свои отношения, и ему откроются врата в новую, полную невероятных возможностей и свершений, жизнь.

– А вы давно ремонт последний раз делали, мама? – наконец осведомилась Анжела, без особого восхищения оглядев окружающие ее интерьеры. – Я тут, прошу прощения, руки помыть хотела, только у вас в туалете на месте раковины корыто какое-то стоит доисторическое. И как им пользоваться прикажете, если не секрет, конечно?

– Так раковина же раскололась зимой еще. А в тазике, кстати, умываться очень даже удобно. Естественней как-то.

– Ах вот оно что...

Анжела неодобрительно зацокала языком и на секунду задумалась.

– Значит, так, на днях я пришлю сюда знакомую бригаду. Как только она у меня с отделкой домашней сауны закончит, так сразу же и пришлю.

После чего она, не обращая внимания на установившуюся гнетущую тишину, прошла по комнатам, что-то прикидывая в уме и распоряжаясь:

– Здесь, Серж, будет мамина спальня, мебель поставим из бука, пол, значит, положим из палисандра, в ванной и на кухне необходимо будет поменять всю технику, а в комнатах поставить кондиционеры, лето жаркое обещают. Гостиную, думаю, выполним в стиле Гранж...

Увидев округлившиеся глаза женщины, Анжела засмеялась:

– Да не переживайте вы так, Маргарита Павловна. Гранж лишь на первый взгляд по-деревенски простым кажется. На самом деле тут тщательно продумана каждая мелочь, мебель подбирается в люксовых магазинах. И, что немаловажно, только натуральные материалы используются: дерево, камень, керамика, ковка...

– Извини, детка, но для того, чтобы оплатить такой ремонт, мы с сыном должны прежде продать эту квартиру, – пролепетала та. – А если мы с Сережей продадим эту квартиру, то нам уже негде будет делать ремонт.

– Не берите в голову, мама, предоставьте мне самой обо всем позаботиться.

– Нет-нет, мы не можем принять такое. Сергей, ну ты-то хоть скажи...

Сергей все это время нервно хрустел огурцом, уставив глаза в потолок. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Я отработаю, – пробормотал он едва слышно, понимая, что говорит какую-то пошлость, но промолчать было бы совсем неудобно.

– Вот видите, мама, он отработает...

Зато следующей ночью, которую они провели у Анжелы на подмосковной даче, он полностью реабилитировался за дневной афронт и набрал утраченные очки, даже с лихвой. Показал, значит, ей, где раки зимуют.

После любовных трудов праведных они, изможденные, но счастливые, лежали на разворошенной, огромной, не меньше чем в пол-спальни, постели и, закрыв глаза, курили. Она бесстыже разметалась по пуховым подушкам и, впервые не стесняясь своей наготы, даже балдея от нее, прокручивала в уме кадры неземных наслаждений, которыми ее только что потчевал Серега.

"Развратница, – хихикала она про себя удовлетворенно. – Блудница Вавилонская. А Серж, тот еще жеребец, но сколько же в нем страсти и нежности".

Сегодня он вытворял с ней та-акие штуки, которые она раньше смотрела только в интересном кино, да и то стыдливо прикрыв глаза ладошками.

"Нет, каков самец, какой же он все-таки самец, бабоньки, умираю. Как же я раньше-то жила без всего этого", – Анжела вздрогнула и положила Сергею на плечо свою горячую ладонь, убеждаясь, на всякий случай, что все, происходящее с ней, это не сон.

– На следующей неделе прилетают из Ялты мама с Ксюшкой, пора бы начинать знакомить тебя уже, что ли, – блаженно промурлыкала она наконец, пуская кольца дыма в нависавший над ней барельеф Венеры.

– С кем, с мамой? – отчего-то испугался он.

– С обеими.

– Еще не легче...

– Ты меня извини за бестактный вопрос, но что ты скажешь ей по поводу своей работы, своего статуса? – Она вернулась, наконец, с небес на землю, будто прочитав его мысли. – Моя мама, в отличие от меня, чересчур консервативна в таких вопросах. Мне будет крайне нелегко объяснить ей нашу с тобой разницу в социальном положении. Не обессудь, но я должна была затронуть эту тему, – пожившись, добавила женщина и набросила на себя шелковый халат с вышитым огнедышащим драконом.

– Ну хорошо, хорошо, – произнесла она, услышав его тяжелое прерывистое дыхание, – давай идем с другой стороны. Чем бы ты хотел заниматься в принципе? К чему у тебя душа лежит?

– Ну, как тебе сказать... – закашлялся Серега, неловко подавившись дымом. – Автомобильным ремонтом, например. – Сейчас он выдавил первое, что пришло ему на ум, вспомнив вдруг, как он порой любил ковыряться в своей старенькой "девятке". – А что? Я всю жизнь мечтал отремонтировать автомобили, запчасти всегда можно толкать левые, чаевые опять же идут. Только возьмут ли с улицы на такое хлебное место – вопрос.

– Будет тебе авторемонт, старче.

– Старче? А ты кто, не золотая ли рыбка часом?

– Лучше, – лукаво улыбнулась Анжела. – Рыба она и есть рыба, холодная и скользкая. А я, к твоему сведению, все-таки женщина, чувственная и горячая, – плотоядно сощурилась она и скинула с себя халат.

Через несколько дней Анжела усадила его в свой "шевроле" и отвезла на городскую окраину, в район новостроек, где остановилась возле красного двухэтажного здания с неоновой вывеской «СТО. Автоцентр».

– Нравится? – спросила она.

– Что нравится? – переспросил он, недоуменно озираясь по сторонам.

– Как что? Это вот все, – кивнула она на вывеску. – Твой автосервис. Завтра я оформляю купчую. А со следующей недели можешь смело приступать к своим обязанностям директора и совладельца данного предприятия. Ну что, подойдет тебе такой стартап – два цеха, кузовной и слесарный, покрасочная камера, склад запчастей, автомойка?

– Нет слов, ну ты прямо, – не поверил своему счастью он. – Ну ты и рыба, нет – женщина мечты, золотая моя, золотая...

И поцеловал ее так, что у нее закружилась голова, а по всему телу пробежал электрический ток.

– Слушай, у тебя какие ближайшие планы? – выдохнула она, с трудом оторвавшись от его лица. – Думаю этот уикенд провести в Японии. С тобой. Сакурой полюбоваться. На северном Хоккайдо она как раз в цвету сейчас. Тебя ведь ничего не держит дома в выходные, так ведь?

– Не переживай, если вдруг что, я под тебя подстроюсь, – ответил он как можно небрежнее, несмотря на то, что внутри у него все пело и плясало от нечаянной радости.

– И еще, совсем забыла, купи себе нормальный костюм, что ли, сорочку там, штиблеты. Завтра мама уже приезжает. Хочу, чтобы ты ей понравился, а то ведь она у меня консервативная слишком. Наше шампанское не бери, только "Клико", не забудь еще взять торт, цветы и фрукты, а дочери лошадку купи.

"Бог мой, да где же это я столько денег-то возьму. Сберкасса разве что пойти ограбить", – сник Серж, но тем не менее коротко кивнул. Хотя, наверное, это просто тик у него случился такой нервный.

– Насчет лошади что-то сомневаюсь, – только и смог произнести он в ответ, – вряд ли до завтра управлюсь. В питомник же надо ехать.

– Игрушечную, дуралей. Ей пока еще рано настоящую, в десять-то лет. Может быть, на следующий год только. Да, кстати – держи вот, – она протянула ему красенькую пачку. – Тут триста тысяч.

– Ничего себе! – Такого количества денег, и к тому же сразу, он никогда еще не видел. – Я отдам, – совсем уже смешался он, – сейчас вот только развернусь с бизнесом и сразу же верну, правда.

– Не надо, любимый, считай, что это мой тебе подарок на завтрашнюю помолвку.

«Чудеса, не?» Сердце Сержа трепетало. Богатство, новая работа, насыщенная жизнь, под боком почти что симпатичная женщина, а на подходе его будущий «подрощенный» ребенок.

Все это счастье свалилось на него в одночасье, неизвестно почему и непонятно за что. Там, наверху, наверное, просто устали смотреть на Серегины мытарства и злосключения, и, в ответ на его решение взяться за ум, тут же проявили встречную инициативу.

"Бог целует и намерения", – вспомнил он подслушанную где-то фразу.

– Что ни говори, а есть все-таки Бог, – рассуждал он по дороге домой, – есть. Не захлебнуться бы сейчас мне от счастья, с ума бы только не сойти...

Домой он вернулся на такси, навьюченный коробками, пакетами, тюками и разнокалиберными плечиками. На голове у него неловко сидела фетровая шляпа, под мышкой свесила деревянные копыта каурая лошадка.

– Обмыть бы надо обновки-то, – подкатил к нему вечно бухой Игорек – завсегдатай двора и постоянный спутник его бурной молодости. Он сидел на лавочке и зорко отслеживал оперативную обстановку с тайной надеждой опохмелиться.

Тем же вечером темно-вишневый "шевроле" Анжелы затормозил возле подъезда Сержа.

Из огромного "джипа" вышли двое – она и еще какой-то жилистый мужичок юго-восточной наружности, вооруженный рулеткой и блокнотом. Азиат, едва успевая, семенил за Анжелой, которая, подгоняемая любовью, незаметно для себя перешла на рысь.

– Сейчас я тебе покажу объект, Бахром, – объясняла она на ходу работнику, даже не глядя в его сторону, – а ты уже сам смотри, что тут можно сделать, случай запущенный, конечно, но не безнадежный.

Через минуту ее лёгкие каблучки уже стучали по лестничной площадке перед квартирой суженого. Дверь в его обитель была приоткрыта. Странно. Из квартиры доносилась громкая музыка и разнузданный дикий смех. Приказав своему спутнику обождать в коридоре, Анжела неуверенно прошла внутрь помещения. То, что она увидела там, заставило ее в изнеможении сесть на стул и схватиться за сердце.

В прокуренной кухне дым стоял коромыслом и гулял отчаянный мат, по комнатам в обнимку с бутылками бродили непонятные человекообразные тени и бормотали что-то нечленораздельное. На тахте, завернутый в простыню, словно римский консул в тогу, полулежал ее будущий супруг и самозабвенно щипал за голые ягодцы радостно скалящуюся молодую плебейку.

Увидев Анжелу, Серж с сожалением выпустил добычу из рук и пьяно ухмыльнулся.

– О, Анжи, пррривет, а мы тут с корре-шами по-помолвку на-шу празднуем, не дрейфь, присоединяйся.

Анжела хотела что-то сказать, но ей вдруг стало трудно дышать, и она в ответ только несколько раз схватила губами воздух. Прогоняя наваждение, Анжела махнула пышным хвостом золотистых волос и, пошатываясь, вышла на улицу.

– Эй, да ты все не так поняла, праздник ведь у нас. Забыла? Помолвка, мальчишник...

Путаясь в надетых задом наперед штанах, Серж побрел за невестой, не теряя надежды ее удержать, разобраться, объяснить.

И он уже почти ее нагнал, да только три литра «Балтики» и пол-литра "Столичной", как назло, сделали свое дело. В самый что ни на есть неподходящий момент.

Почувствовав вдруг непреодолимое желание вывернуться наизнанку, он оставил свое преследование и свернул в туалет, где в расколоте раковины его уже ждало старое эмалированное корыто...

Чур меня

Под утро депутату Государственной Думы шестого созыва Тяпкину Герману Степановичу приснился дурной сон. Впрочем, поначалу он показался ему вовсе не дурным, а скорее даже занимательным.

Мужчине привиделась его теща – приснопамятная Маргарита Поликарповна, которая на тот момент уже лет десять как покоилась в черте Котляковского некрополя, что на юге Москвы. Предстала она перед ним в простом домотканом крестьянском платье и в затертых галошах на босу ногу. Рядом с ее силуэтом чернело неработающее окошко кассы Московского метрополитена. У нее за спиной, повиснув в воздухе, раскачивалась, как бы от ветра, прозрачная дверь с белым трафаретом «Выхода нет».

– Чем обязан, мама? – поежился он, ибо утром в метро было весьма прохладно.

– Сегодня у тебя ответственный день, Герман, – подойдя поближе, сказала она ему, строго глядя в глаза, точно так же, как в золотую пору его молодости, – рассмотрение законопроекта о повышении пенсионного возраста наших граждан.

В ответ зять кивнул, не отводя от нее недоверчивого взгляда.

– Ну да, есть такое дело, а к чему вы это, собственно, ведете? – инстинктивно насторожился он.

– Ты непременно должен проголосовать против, слышишь? – покойница поправила на голове ситцевый платочек и, многозначительно прищурившись, добавила: – Иначе тебя в преисподней черти на сковородках жарить будут, Гера.

– Какие еще черти? Скажете тоже, мама. Ада нет. Вы же меня сами в этом не раз убеждали, помните? – попытался он было возразить нечаянному видению.

– Вот потому-то я и здесь, – Маргарита Поликарповна недовольно поморщилась и махнула рукой в сторону двери.

– Где это здесь? – удивленно переспросил Герман и проснулся.

Стирая с лица липкий пот, Тяпкин с трудом попал ступнями в тапочки и потопал на кухню. Там он залпом запустил в себя один за другим два стакана ледяной воды и наконец перевел дух.

– Нет, приснится же чушь такая. На дворе двадцать первый век. Эх, мама, мама... Стоп, а откуда тогда она узнала, что сегодня предстоит голосование по пенсионной реформе, а? – депутат вздрогнул и сел на стул. Мало того, у нее, как и раньше, явно прослеживаются левые политические взгляды. А если это не такая уж и чушь? И там взаправду что-то есть? Он посмотрел на сковороду, забытую с вечера на конфорке, и поежился. Вот если бы точно знать.

Неожиданно ему на ум пришла спасительная идея – надо пойти попытаться доспать, все едино четыре утра, а там, как повезет, может, и удастся прояснить с тещей данный деликатный вопрос. «Хотя какой теперь уже сон...» – начал было сомневаться Герман.

Однако не успел он сомкнуть веки, как ему опять явилась покойная родственница. Сейчас она была одета в строгий деловой костюм от фабрики «Большевичка», на лацкане которого висел значок «Почетному энергетiku города Саратова».

– Ну что, Гера, надумал?

– Да я и рад бы, но, в сущности...

– Не увиливай от ответа, ты же знаешь, что я это не люблю.

– Ну да, – смутился он. – Как будто там от меня что-то зависит. Ничего. Голос единицы, знаете ли, тоньше писка. Решение все равно уже принято. И кому сдался в таком разе этот мой оппортунизм?

– Он сдался в первую очередь тебе, Герман.

– Откуда вам знать, Маргарита Поликарповна, что мне нужно? – депутат даже не заметил, как начал по привычке раздражаться. – И потом, как вы себе все это представляете? К черту партийную дисциплину, значит, да? А карьера, а две ипотеки, а уважение, вы об этом хотя бы подумали, мама? Ну конечно же, нет! Куда уж вам. Вы же, как его, призрак, фантом, дух. Легко советовать, когда тебе уже все без надобности, – тут он осекся, – извините за прямоту, конечно.

Теща в ответ только сурово качала головой. Он понял, что ничего от нее на повышенных оборотах не добьется. Нет, тут надо попытаться договориться, прийти к консенсусу, так сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.